

Love, and be silent

Тьерри Эрбова

Орловые Амцилла держит слово

Love, and be silent

Тери Ежова

Амцилла держит слово. Final

«Издательские решения»

Ежова Т.

Амцилла держит слово. Final / Т. Ежова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859269-0

Десять лет. Четыре встречи. Три города. Два главных действующих лица. Одна история. Встретившись в московском метро, они не могли предположить, что их жизни окажутся связанными друг с другом так сильно, что ничему и никому другому в них уже не найдется места. Кажущийся выходом побег снова и снова будет приводить его к ней, пытающейся забыться в работе и наладить свою личную жизнь. Их жизни похожи на вечное движение планет, удаляющихся и в тоже время стремящихся на встречу друг другу.

ISBN 978-5-44-859269-0

© Ежова Т.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	7
III	11
IV	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Амцилла держит слово Final

Тери Ежова

© Тери Ежова, 2017

ISBN 978-5-4485-9269-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Теперь она была свободна от своего обещания. Всё было сделано точно так, как того хотел он.

При этой мысли она улыбнулась. Она обхватила ладонями щеки, заставляя себя принять серьезное выражение лица. Ей всё еще было трудно избавиться от привычки улыбаться, когда она думала о нем.

Она шла вперед. Теперь уже всё кончено. Она может уйти отсюда туда, где он. Она неизменно тосковала.

Оставшиеся осенние листья одиноко перекатывались по аллеям. Сегодня было первое декабря. Было удивительно сухо и тепло для этой поры.

Ей было это приятно.

«Может быть, я вернусь сюда пчелой?» – подумала она, оглядываясь.

Она вдохнула так глубоко, как только могла. Ей хотелось запомнить этот запах и серое небо над головой. Небо, когда она сдержала данное слово.

II

Пригородная электричка подходит к Ярославскому вокзалу. Двери со скрипом открываются, и люди, как поток выпущенных в море рыбок, занимают всю платформу и двигаются к входу в метро.

Натягивая на ходу шапку, она петляет между людьми. По левому боку неудобно бьётся сумка с ноутбуком. «Что делать? Пока буду писать по дороге на работу. Ничего, вот скоро жизнь наладится», – успокаивает она себя.

Протискиваясь между высокими впереди идущими ребятами, она спускается к турникетам.

Она спрашивает себя, сколько раз уже прикладывала проездную карточку, проходила перед этими стеклянными дверьми, всё время опасаясь, что они вот-вот закроются и прищемят ее. «Смешно!».

Она устала ездить на эту работу в новостное агентство, в котором работала всего лишь переводчиком. За плечами было два института, а дома где-то валялась папка с двумя красными дипломами. Какого черта? Ей уже 26 лет – можно сказать критический возраст для самовыражения, а что она видела?

Ее кто-то больно толкает в бок сумкой, от чего она теряет ниточку мысли. Она спускается по мраморной лестнице на радиальную станцию и проходит немного, ожидая поезда.

В воздухе стоит запах метро. Она всегда старается определить его ещё с того самого времени, как тыкалась в папу, когда тот возвращался из Москвы. Это смесь всех людей, которые побывали там за день, тонкие оттенки машинного масла, пыль, циркулирующая там вот уже не одно десятилетие. В этом запахе и частички от мозаик на потолке.

В тоннеле показывается свет. Приближается поезд. Люди начинают двигаться и занимать выжидательную позицию вдоль всей платформы.

Она проходит к противоположным дверям, облокачивается на стекло с утверждающей надписью «Не прислоняться» и закрывает глаза одновременно с глухим хлопком дверей. Ее немного качает в сторону, но она крепко держится.

В последнее время ей всё почему-то кажется бессмысленным или глупым. Ее работа, беспокойство родителей по поводу того, что у неё нет ухажёра, что она много работает и что-то пытается писать.

– Мам, мне нужно еще немного времени. Мне нужно разобраться в себе, – твердит она свою мантру.

– Дочь, думаю, ты просто сама не знаешь, чего хочешь, а вот были бы рядом брюки, ты бы уже успокоилась...

Ее тошнит от этих разговоров, но что она может противопоставить? В какие-то моменты ей действительно одиноко. Она одна уже три года, но одиночество стала чувствовать совсем недавно.

Накануне вечером повторился очередной разговор. Бабушка настаивала дать её номер телефона какому-то там Пете, потому что он очень хороший мальчик из порядочной семьи. Она отбивалась всеми руками и ногами. Она высокомерно поднимала свой прямой нос и твердила, что это не для неё. А что для неё?

Ответ на этот вопрос она предпочла оставить в глубинах своего иногда одинокого мировосприятия.

Правда была в том, что ей неудобно, что та, за которой со школы волочились ребята, должна сама покупать себе кофе, билеты на балет, и прочее и прочее. Вот она горькая правда-истина.

Это неудобство колется внутри, заставляя порой нервно морщиться. Но, что она может поделать? Так сложилось в её жизни, что все те, кто пытался приблизиться к ней, были ей не по душе. Она продолжает ждать этого жуткого, всё время опаздывающего Принца. Она представляет, как проклянёт его и как будет любить. Ей даже кажется, что она его почти видит. Дни складываются в месяцы, а месяцы в годы, а она упорно не сдаётся.

Есть ли в этом смысл, она не знает, но не может по-другому.

Услышав, что её остановка следующая, она открывает глаза и проходит к дверям. В стекле на черном фоне она ясно видит себя: коричневая вязаная шапка, коричневый пухлый шарф, волной выбивающийся из-под ворота пуховика. Усталые и грустные глаза. Она похожа на подростка, который не знает в какой университет пойти, чтобы жизнь стопроцентно удалась.

Она слегка качает головой. Она уже не подросток. Второго шанса ей не дадут. Почему-то 26 лет звучит как роковая цифра, неминуемо отрывающая тебя от необузданной и рвущейся вперед эпохи, когда тебе 25 и ты успешен и могуч, к 30, когда в жизни надо определиться со всем. Да кто это вообще сказал? Может, я до 50 не определюсь, что же мне теперь повеситься где-нибудь?

Выйдя из метро, она достаёт перчатки и вдыхает морозный воздух. «У меня всё впереди. Я буду всем тем, чем хочу быть. И мужчин у меня будет куча, и родители будут мной гордиться!» – четко выпаливает она про себя и улыбается.

Она переходит дорогу. Впереди рабочая неделя. Понедельник пройдет, а там уже и вся неделя. Подвох в том, что так и жизнь проходит.

Она ругает себя за чрезмерные и неуместные философствования и лезет в сумку за пропуском.

В ньюсруме уже почти все в сборе, правда, поскольку остаётся всего две недели до нового года, новостей падает не так уж много, если, конечно, не считать многочисленных пересмотров прогнозов экономического развития, промышленного производства и остальных жизненно важных каждому человеку событий.

То и дело кто-то выкрикивает «Молния» или «Срочно», что подразумевает под собой либо только одну строчку-заголовок новости, или два-три абзаца чьей-нибудь выручки.

Ей всегда эта словесная перепалка напоминает те моменты в американских фильмах, когда кто-то на поле для гольфа кричит «Мяч», а все остальные пригибаются.

Далее всё следует как обычно, конвейерная работа – новости, перевод, новости, перевод. Плюс к этому еще несколько статей из The Guardian и Le Monde для равновесного восприятия событий.

Русская новостная команда к вечеру сжимается, пока, наконец, не остаётся двое-трое дежурных. И вот, еще девять часов жизни перетекают в Лету.

Охранники в метро устало облакачиваются на турникеты и грустно провожают всех проходящих мимо. Один из полицейских даже немного наклоняет свою теплую, совсем неуместную в помещении, шапку чуть набок, отчего весь его облик становится более приветливым и добрым.

«Всё же многое зависит от головного убора», думает она, проходя мимо «стража подземелья».

От постоянного света дневных ламп на работе, глаза требуют себе замену, и она их закрывает, ожидая поезда.

Секунд через десять она слышит всё нарастающий гул, похожий скорее на дыхание приближающегося зверя.

Она входит в самую первую дверь и садится напротив входа, протиснув сумку между собой и перегородкой. У нее пятнадцать минут впереди.

Вместе с ней в вагон входит ещё несколько людей, включая приятную женщину в возрасте с девочкой лет восьми. Они садятся напротив нее и начинают быстро жестикулировать, при этом ребенок то и дело улыбается.

Она не может отвести взгляда от этой пары. Ее завораживает то что, не произнося ни слова, они прекрасно друг друга понимают – глаза, брови, губы, руки – всё находится в движении, передавая мысль, чувства и эмоции.

В голове рождаются образы, быстро, мимолетно, как будто какой-то искусный художник набрасывает скетч карандашом, и из коротких и длинных штрихов рождается персонаж и характер.

Она быстро вытаскивает ноутбук из сумки, кликает по иконке Word и начинает писать в открывшемся белом пространстве. Слова хвостиками цепляются одно за другое, составляя предложения. Она искоса бросает взгляды на женщину с девочкой, а руки сами собой скользят по клавиатуре.

Дописав еще одно предложение, она обнаруживает, к своему разочарованию, что на остановке входят люди и загораживают то, что нужно ей видеть. Поерзав немного на месте, она выдыхает и роняет руки на клавиатуру. Дописывать образ надо уже будет по памяти.

Тут ее внимание привлекает кое-какая помеха, что-то ядовито-желтое маячит справа и мешает сосредоточиться. Прислонившись к закрытой двери, за которой сидит машинист, стоит какой-то парень в желтом пуховике. Она скользит глазами снизу вверх, отметив бело-снежные кроссовки, голубые джинсы, и, если измученные глаза ее не подводят, это поднятые на голову зеркальные очки, полузапутавшиеся в достаточно длинных темных волосах.

«Это еще что за цыпленок-переросток», – думает она, ощущая всё сильнее, что этот тип смотрит прямо на нее.

«Может быть, он косит, или смотрит на кого-то кто рядом с ней», – тянет она мысль своих рассуждений, пока медленно поворачивает голову влево, чтобы посмотреть, кто сидит рядом. Это старичок, со всей возможной степенью политической корректности, лет восьмидесяти, мирно спящий и громко посапывающий. За ним сидят несколько молодых женщин с оранжевыми пакетами из ГУМа.

Когда она снова смотрит впереди себя, то не без ужаса чувствует, что желтая угроза повисает на поручне, справа от нее, совсем рядом.

Она скользит рукой по крышке ноутбука и захлопывает его громче, чем хотелось бы.

«Что же это такое?» – мелькает у нее в голове, и она смело смотрит наверх.

Ей кажется, что в его карих глазах сверкает молния, и она тут же слышит раскат грома прямо у себя в голове, из которой, кстати, мгновенно исчезают все мысли. Всё, что там было до того, как она посмотрела в глаза этому «василиску».

Ее всю обдаёт жаром и холодом одновременно. Она всё смотрит и смотрит в эти бездонные пропасти его глаз, которые немного сужаются. Она скользит вниз по его лицу и видит, что его губы начинают расплываться в улыбке, рождая лучики морщинок по краям глаз.

«А еще у него едва заметные ямочки на щеках», – высказывается её подсознание.

Она виновато опускает голову, и, чтобы отвлечься, начинает запихивать компьютер обратно в сумку.

Желтый шар, к её ужасу, вдруг быстро опускается на корточки, прямо перед ней, и она снова оказывается под невыносимым гнетом этих глаз, а, следовательно, она опять рискует перестать думать вообще.

– Тебе говорили, что описывать людей в метро негуманно? – довольно громко шепчет он.

Она смотрит ему прямо в глаза и, не контролируя свою мимику, широко улыбается. Она почти хохочет.

Уловив истерические нотки в своем настроении, она поднимается, хватаясь за сумку обеими руками.

– Позвольте, пожалуйста, – как можно серьезнее произносит она, пытаясь пробираться к выходу, обходя желтый шарик стороной.

«А он симпатичный... вот поэтому ты и убегаешь», – проскальзывает у нее в голове.

Стоя у дверей, она и понятия не имеет, какая будет станция. Оказывается «Красные ворота». «Ничего подожду следующий поезд, время до электрички есть».

Она облегченно выдыхает, когда открываются двери, немного отходит от начала вагона и встает, поправляя сумку.

«Желтая куртка» выходит за ней.

Она следит за ним краем глаза: он стоит лицом к ней. Между ними пара метров, не больше. Наконец, он подходит к ней.

– Ты вышла из-за меня?

– Нет, просто этот поезд дальше Комсомольской не идет, – говорит она, не смотря на него, обрадовавшись удачно найденному объяснению.

– Хорошо, а то я подумал, что напугал тебя.

– Нисколько, – хмыкает она, вся поджавшись.

– Вот мой мобильный. Меня зовут Марк, а тебя? – чеканит он, протягивая ей цветную карточку.

– Катя, – сомневаясь, отвечает она и неуверенно берет его визитку.

– Тебе больше подходит Като. Буду звать тебя Като, ладно?

– А мне больше нравится Фарух.

– Нет, Фарух тебе не подходит!

Они оба прыскают и хохочут на всю станцию.

Он садится вместе с ней на поезд.

– А почему такое имя чудное, Фарух?

– Первое что пришло в голову – недавно смотрела кусочек из балета с Фарухом Рузиматовым. Вот и выстрелило.

– Значит, любишь балет. Мне тоже балет нравится. Можно будет сходить как-нибудь на что-нибудь, – он вопросительно смотрит на нее.

– Можно, – улыбается она в ответ.

За стеклами дверей уже показываются своды Комсомольской, и Като нерешительно топчется. «Как обычно, выглядишь наиглупейшим образом».

– Я выхожу. Пока.

На его щеках уже сильнее обозначаются ямочки.

– Ты и здесь будешь следующего поезда ждать, или на вокзал идешь?

Она кивает, чувствуя, как ее всю бросает в жар. «Как-то я отвыкла от приставаний и ухаживаний».

Марк едет к другу в Щелково, поэтому им и здесь оказывается по пути. Они болтают обо всем, много смеются, но самое главное, они договариваются о следующей встрече.

III

В окне поезда мелькали дома, дороги и люди. Цветные и черно-белые картинки быстро сменяли друг друга. Поезд мчался мимо, а там продолжалась жизнь своим чередом. Кто-то просыпался, кто-то уходил на работу. Всё продолжалось без начала и конца.

Ровными вертикальными полосками сменяли друг друга белые березки и черные засмоленные столбы электропередач.

Всё продолжало жить там, а поезд мчал ее мимо, дразня и укачивая.

IV

В честь грядущего восьмого марта их отпускают домой намного раньше.

По всему ньюсруму раздается радостный клич к завоеванию местной столовой, причем голоса мужчин слышны намного сильнее женских. То ли природа берет свое, то ли женская чуткость.

Проверив еще раз электронную почту, Като разочарованно смотрит на пустой ящик входящих писем, на всякий случай проверяет папку со спамом, и выключает компьютер с раздражением и разочарованием. Уже больше года она постоянно в напряжении, постоянно ждет его.

Впереди три выходных.

«Плохая привычка проверять мейл каждый час. Так можно и паранойю заработать»

Девчонки тащат ее в столовую, несмотря на все ее «Надо домой» и «Мне еще подарки надо купить».

Наконец, они отвоевывают себе по бокалу кислого шампанского и пирожному с вишенкой и уютно устраиваются в уголке столовой. Стоит общий непонятный гул, состоящий из звона бокалов, смеха, разговоров и какой-то непонятной музыки.

– Пирожное барахло, – говорит одна из ее подружек. – Вкусная только вишенка. Пойдем другие попробуем.

– Пойдем, – нехотя соглашается Като, – а там нормальная еда есть, или рыба с мясом уже не в моде?

К столику с едой уже стоит очередь, и девушки запасаются тарелками, на случай, если им всё-таки что-нибудь достанется.

К впереди стоящим всё подходят и подходят коллеги и знакомые, так что очередь растет изнутри.

Девушки тоже решают присоединиться к знакомым женщинам, которые, насколько они помнят, из бухгалтерии.

Като ставит тарелку на стол и кладет на нее несколько пирожков и канапе для себя и остальных девчонок, которые отправились добывать шампанское.

Она только подняла тарелку и собирается освободить место у стола, как ее вдруг что-то всю вздергивает.

– Катюшка, ищущ тебя уже полчаса, давай потанцуем, – раздается где-то справа, и чьи-то руки уверенно скользят по ее талии.

Она осторожно ставит тарелку на стол.

– Руки убрал, – она резко поворачивается и видит их аналитика Сашу. Он смотрит на нее своими голубыми глазами и улыбается, не убирая рук.

– А если не уберу? – он старается приблизиться к ней.

Като чувствует, что назад отхода нет, так что она старается успокоиться, заставляя губы немного улыбнуться. Она чуть подается вперед и берет Сашу за галстук.

– Какой красивый у тебя галстук, – медленно произносит она, скользя одной рукой вверх. – Замечательное изобретение, только можно отвлечься и слишком туго затянуть узел, – она скользит узлом галстука вверх, приближаясь губами к правому уху мужчины.

– Тише, у меня уже дыхание перехватывает, – убирая руки с ее талии, хрипит аналитик, явно понимая, что переоценил котировки своих акций.

– Еще раз посмеешь дотронуться и дышать перестанешь навсегда, понял? – шепчет ему на ухо Като и, отряхиваясь, как после пыльного облака, выходит из столовой.

Она быстро собирает свои вещи и выходит из офиса. По дороге к метро она еще несколько раз трясет головой и отряхивается, как от чего-то крайне неприятного и скользкого,

почти оскверняющего воспоминания других прикосновений, которые ее тело так отчетливо помнит.

«Какая мерзость!» – снова и снова твердит она, едва шевеля губами.

«Ладно, надо подумать о чем-нибудь хорошем. Завтра можно спать подольше. Мама что-нибудь вкусное приготовит». Она только сейчас понимает, какая она голодная. «Поесть нормальному так и не удалось из-за этого придурка».

«Вот поэтому я и не люблю корпоративы. Кто-нибудь да умудрится испортить настроение!».

В электричке она тут же засыпает, как будто проваливается в глубокую темную яму. Ей ничего не снится. К счастью или к сожалению? Голова отдыхает от мыслей и воспоминаний. Като просыпается, с трудом открывая глаза, и смотрит в окно, стараясь сориентироваться. Ей остается ехать еще две остановки.

Она уже придумала зайти за тортом и цветами для мамы.

Подходя к дому, она понимает, что свободных рук у нее не осталось и нужно как-то набрать домофон. Папа должен быть дома, а если нет, тогда ей придется ставить что-то на асфальт и искать ключи.

«Как верблюд, как всегда. Ну, если никого дома нет!»

С трудом перехватив цветы и зажав торт между металлической входной дверью и собой, она набирает номер квартиры и слышит привычную, но сегодня почему-то чересчур громкую и неприятную мелодию.

– Да? – слышит она мамин голос, который кажется ей слегка рассерженным.

– Мамуль, какое счастье! Это я, открывай.

– Ой! Так рано.

Като с трудом тянет на себя тяжелую дверь и входит в подъезд. За ней с тяжелым грохотом захлопывается дверь, дыхнув ей вслед теплым рывком ветра.

В лифте она с удовольствием втягивает в себя сладкий аромат маленьких пестрых розочек, которые она купила для мамы, и улыбается им. Она обожает покупать подарки, а вот получать их она не очень любит.

«Может, это какой-то особый комплекс неполноценности? Если я не люблю получать подарки, может, я не хочу не от кого зависеть? А шут с ним со всем!».

На пороге входной двери ее уже ждет мама с плотно сжатыми губками, что всегда было признаком того, что папа себя плохо вел.

Елена Сергеевна перехватывает у нее торт и цветы. Като задорно чмокает ее в щеку и проходит в предбанник. Дверь в квартиру широко распахнута. Около двери на коврике, где они обычно разуваяются, воинственно стоят белоснежные кроссовки с синей галочкой Nike.

Като выскальзывает из сапог и, не снимая плаща, медленно движется по коридору в направлении кухни, откуда доносится протяжной и варьирующей интонациями монолог папы – Рокфеллеры, Ротшильды, что-то о мировом правительстве и прочие сами собой разумеющиеся вещи. Потом она слышит голос Марка.

– Точно, так оно и есть.

Она перестает чувствовать под собой пол и упирается рукой о стену. Она медленно обходит угол коридора и перед ней открывается кухня. Папа сидит к ней спиной; прямо напротив, у окна, она видит Марка. Он в белоснежной футболке. Он смотрит вниз, сбрасывая пепел с сигареты.

Вдруг Марк резко поднимает голову и обездвигивает Като взглядом. Он улыбается и подносит сигарету ко рту, глубоко втягиваясь, не сводя глаз с Като.

Папа оборачивается:

– Катюш, привет! Как дела? Смотри, кто приехал? – он указывает рукой на Марка, как будто гид в Третьяковской галерее демонстрирует давно украденное, но вновь отысканное полотно Айвазовского.

Она скользит взглядом по столу и видит гору шкурок от мандарин, стаканы и бутылку Chivas Regal, полную всего на треть.

Как будто обретая независимость, рука Като легко взмывает вверх, рисуя в воздухе незаконченный вопросительный знак, и с такой же легкостью опускается вниз, уже следуя за своей хозяйкой, которая повернулась боком и направилась в свою комнату. Мама быстро идет за ней.

– Его папа пустил. Я сама пришла где-то полчаса назад, а тут гулянка уже полным ходом. Как ты? Отпустили пораньше?

– Да, отпустили перед праздником. Со мной всё хорошо, мамуль. Ты можешь закрыть им дверь пока я пойду руки мыть... хотя, не надо... Я в душ, а потом чего-нибудь поем, ладно?

– Там папа чего-то всего наготовил, и Марк кучу всего привез, – Елена Сергеевна перехватывает взгляд дочери и поспешно выходит из комнаты.

Като стягивает с себя плащ ловким рывком, как актриса, ловко меняющая свой наряд, и вешает его в шкаф, как будто прячет. Она устало опускается на диван и обхватывает лицо руками.

В дверь едва слышно стучат.

– Я переодеваюсь, – кричит она и подбегает к шкафу, в поисках полотенца и халата.

Стук прекращается. Като еще немного стоит у двери, потом глубоко вдыхает, как перед прыжком в холодное море, и распахивает дверь. Марк стоит в паре шагов от нее, прислонившись к стене и убрав за спину руки.

Като быстро проходит мимо него. Она ждет и хочет, чего греха таить, хочет, чтобы он схватил ее, прижал к себе крепко, поцеловал. Но он не шевельнулся.

«Больно надо!» – фыркает она про себя.

Не оборачиваясь, она быстро оказывается в ванной и закрывает за собой дверь. Като натывается в зеркале на удивленно-испуганное выражение своих собственных глаз и включает воду.

Она ругает Марка, как только может, пока не замечает, что улыбается.

Като натягивает халат прямо на мокрое тело, от чего по спине разлетается рой мурашек. С кухни доносится мамина тирада по поводу питья и курения.

Она распахивает дверь. Марк стоит также, как будто, не двигался. Он смотрит на нее прямо, не отворачиваясь и не улыбаясь.

Като проходит мимо, скользнув по нему взглядом. Она закрывает за собой дверь и видит на столе маленькую золотую бумажную сумочку.

Бросив полотенце на диван, она подходит к столу и заглядывает внутрь пакетика. Внутри небольшая бархатная зеленая коробочка.

– Я все еще люблю тебя, – слышит она позади себя.

Като резко поворачивается и тонет у него на груди. Он крепко сжимает ее в объятиях и целует в глаза, нос, и, наконец, очередь доходит до губ.

«Какое блаженство снова держать ее в руках. Какое сумасшествие целовать ее снова» – думает он, прижимая ее всё сильнее к себе.

Она нежно отстраняет его от себя ладонью и проводит рукой по его голове. Его волосы все такие же черные, жесткие и непослушные, как и он сам. Только они теперь гораздо короче, чем год назад, когда она видела его в последний раз.

– Привет, родной! Что это?

– Посмотри, – он отходит от нее на шаг.

Като берет сумочку в руки и достает коробочку, не дыша.

В коробке лежит небольшая золотая брошка в виде балерины, стоящей на носочках и тянущей руки вверх. Ее платице, развевающееся книзу, украшено белыми и зелеными маленькими камнями.

– Она прекрасна, – она смотрит на него.

– Я знал, что она тебе понравится. Ее сделали по моему эскизу. Тут семь изумрудиков, чтобы тебе во всем везло, детка. С праздником!

– Спасибо, родной! – она кладет брошку на стол и тянется к нему.

Марк обнимает Като и качает ее из стороны в сторону, как будто успокаивает маленького капризного ребенка.

– Моя Като, я так соскучился. Я понял, что пропадаю без твоих глаз и твоего запаха. Я такая редкая свинья, да?

– Есть малость, родной, но ты мне так нужен, что я готова простить тебе всё, любые преступления против человечества, любой геноцид и апартеид по отношению ко мне, всё что угодно, только бы ты был рядом со мной.

– Я всегда с тобой, ты же знаешь.

– Что-то я тебя последний год не особо наблюдаю...

– Ты кушать иди, а я пока папу твоего с кухни уведу в комнату, чтобы вы с мамой поели спокойно, без мирового правительства.

– Ты ведь не уйдешь? – она настороженно поднимает бровки.

– Нет, детка, я столько выпил, что машину вести не могу, так что, если твоя мама меня не прогонит, я от тебя не отстану. Обещаю вести себя прилично, – он демонстративно поднимает правую руку вверх.

На кухне мама уже раскладывает по тарелкам салат. Като молча достает вилки и садится за стол туда, где раньше сидел Марк.

– Не сомневалась в выборе места ни на секунду, – произносит Елена Сергеевна голосом равнодушного диктора, всё внимание уделяя мытью помидор.

– Мамуль, можно он сегодня останется? Пожалуйста.

– Ладно, ты ведь в детстве щенка не просила, так теперь мне даже возразить нечего, – снисходительно улыбается мама.

Елена Сергеевна искренне рада тому, что Марк приехал, потому что состояние дочери в последнее время крайне сильно ее настораживает. Она замкнулась в себе, постоянно вздрагивает, когда звонил телефон или, не дай Бог, в домофон звонит разносчик газет. Выражение лица дочери она выучила наизусть – озарение, страх, ожидание, разочарование, темнота.

Так продолжается уже около года. Она так и не знает причину, по которой Марк вдруг исчез. У них все было так замечательно, только вот дочь слишком открылась, слишком сильно полюбила. «Слишком» всегда чревато тем, что может превратиться в «ничто».

На все вопросы о Марке Като отвечала, что он уехал по делам, и у них всё хорошо. Родители не спорили и не пытались ничего выяснять. Единственное, что поняла Елена Сергеевна, к своему ужасу, было то, что Марк для ее дочери был как наркотик. Като сама не отдает отчет тому, что оживает только рядом с ним. Этот год без него был похож на год в аду. Одно волнует маму – она знает, чем заканчивают свою жизнь большинство наркоманов.

– Спасибо за цветы, – смягчает тон голоса мама, целуя Като в щеку.

– Не за что, мамуль. Торт завтра будем? К нам дядя приедет с тетей?

– Честно говоря, пока не знаю. Тамара звонила и сама нас всех приглашала к себе. У них что-то с братом отношения совсем никудышные. Не знаю, сколько еще продержатся. Трудно найти таким двух несовместимых людей.

– Да, бывает, – кивает Като, зачерпывая полную вилку салата.

Марк появляется на кухню.

– Петра Андреевича спать уложил, так что можете не переживать, – он осторожно садится на табуретке рядом с Като.

– Положить тебе чего-нибудь, Марк? – приветливо говорит Елена Сергеевна.

– Не беспокойтесь, мы поели. Детка, я пока в комнату к тебе пойду. Елена Сергеевна, спасибо вам большое.

– Не за что, Марк. Я отпущу ее скоро, – мама кивает ему с видом заговорщика на баррикадах.

– Мамуль, я больше не буду, наелась, спасибо. Я все вымою, попьем кофе?

– Да, давай.

Помыв посуду, Като идет к себе в комнату и видит Марка, сидящего на полу и запрокинувшего голову на диван. Он скрестил руки на груди и мирно посапывает. Ему не мешает даже свет, который она включила.

Като достает из шкафа подушки и плед. Она кидает это всё на пол и садится рядом с ним.

– Я так чертовски устал, – не открывая глаз, мурлыкает он.

– Спи, я тебе не мешаю.

Марк открывает глаза и поворачивается к ней.

– Детка, ты меня не поняла. Я так чертовски устал быть без тебя, – он ложится рядом с ней, подтягивает к себе подушку, утыкивая ее под голову.

– Ты что спать укладываешься?

– Уже уложился, – кидая поверх себя одеяло, отвечает он без тени смущения или намерения куда-нибудь двинуться с этого места.

– Давай хоть диван разберем. Мне куда прикажешь лечь?

Марк хлопает себе по животу и улыбается.

Като выключает свет и ложится рядом с Марком, положив голову ему на грудь.

– Петр Андреевич сказал, что ты подала документы на визу в Англию. У меня виза уже есть, ездили на фестиваль в Эдинбург. Поехали вместе на недельку. Всегда мечтал побывать в Лондоне с тобой, – уже почти засыпая, шепчет он.

Като целует его в мягкую, чисто выбритую щеку и проводит по ней кончиком носа. Марк спит.

Она лежит, привалившись к нему минут десять, а потом переворачивается на другой бок. Марк тут же начинает шевелиться и разворачивается к ней, обнимая и прижимая ее к себе.

– Ты мне так и не ответила. Позволишь мне увезти тебя на неделю в Лондон, детка?

– Позволю, родной. Спокойной ночи, – улыбается она.

– Спокойной ночи, детка, – уже совсем сонно мычит он, и она уже слышит его мирное посапывание.

Като засыпает под эти чарующие ее звуки. Она проваливается в сон незаметно для себя. Впервые за многие длинные последние месяцы, иногда бесконечно тянущиеся для нее, она чувствует себя снова на месте, в безопасности, счастливой и абсолютно свободной.

Като просыпается рано утром. Марк спит рядом калачиком, как маленький щенок, который только нашел себе дом и теперь отсыпался за всю свою еще совсем короткую, но непростою жизнь.

Она гладит его по голове, и он улыбается, не просыпаясь.

Като решает для себя, как бы тяжело ей это не было, не спрашивать у Марка о причинах его ухода год назад. Она так боится спугнуть это вновь завладевшее ей счастье, что старается ни о чем плохом не думать. Они вместе были год, она даже периодически жила у него в квартире, а потом все просто прекратилось.

Марк всё чаще пропадал в студии звукозаписи, ему звонили непонятные девахи. Он неделю не отвечал на ее звонки и не появлялся. Като вернулась к родителям, оставив ключ от квартиры Марка у соседей. Она ждала его звонка, появления, но ничего не происходило...

Она всё также ездила на работу, что-то изредка и нехотя писала. Через две недели он ей позвонил и задал один единственный вопрос, заплетающимся языком:

– Детка, зачем ключи оставила?

– Чтобы ты распорядился ими более разумно, – и она повесила трубку.

«По крайней мере, он жив и здорово пьян», – подумала она тогда она про себя, отгоняя безудержную фантазию, рисовавшую его теперешнюю жизнь.

Каждый раз, выходя с работы, она оглядывалась по сторонам в надежде увидеть его. Она судорожно проверяла почту, а через полгода все же решила поменять номер телефона. Электронный ящик она оставила, из-за трусости и страха, что он не сможет написать, или она лишит себя надежды думать, что он может написать ей как-нибудь что-нибудь.

Лежа сегодня утром на полу рядом с Марком, она заново переживает весь этот бесчувственный год, когда ей казалось, что внутри что-то начинает умирать и уже находится на последнем издыхании.

Она снова с ним.

В ванной раздается шум воды. «Папа пошел просыпаться после вчерашнего, бедолага».

Като чувствует, что отлежала бок на полу и переворачивается, оказываясь спиной к Марку.

– Ты теперь всегда будешь от меня крутиться, – слышит она его сонный голос позади себя.

Она снова поворачивается к нему и сгибает руку в локте, подперев ей голову. Марк копирует ее позу и смотрит ей прямо в глаза.

– Так с чего это такая мода у тебя от меня отворачиваться?

«Сказала б я тебе, откуда, но люблю тебя, сволочь ты редкостная!» – шипит она про себя и потягивается вверх, легко опускаясь на спину.

Марк пододвигается и зависает над ней, широко расставив руки по обеим сторонам от ее головы.

– Ты злишься на меня, я знаю. Это нормально, детка.

– Марк, в наших отношениях нет ничего нормального. Тебя не было больше года...

Он не дает ей договорить и жадно целует ее.

– Я как-нибудь тебе всё расскажу, если ты захочешь услышать эти бредни. Единственное, что неизменно – ты мне нужна как воздух. Мне надо знать, что ты есть, что ты меня ждешь и любишь. Ты – единственное, что реально в моей жизни. Только ты.

Като высвобождается из его объятий и встает. Она открывает окно и вдыхает свежий прохладный утренний воздух.

– Марк, это сложно. Понимаешь?

Он садится, положив локти на колени и манерно свесив кисти рук.

– Прости меня, моя Като.

В дверь несколько раз стучат, и они слышат мамин звонкий голос.

– Дети, завтракать!

– Идем, – хором отвечают они.

Като смотрит на Марка, который, прищурившись, то и дело играет своими тонкими пальцами, как будто создавая новую мелодию, скользя по только ему видимым клавишам.

– Я так рада, что ты приехал, что ничего не хочу вспоминать. Ты мне так нужен, так нужен.

Марк встает и подходит к ней.

– Ты знаешь, я так хорошо не спал уже давно.

– Год?

– Год. Целый год бессонных изматывающих ночей.

Она проводит ладонью по его голове, утапливая пальцы в его волосах.

За завтраком они все четвером то и дело хохочут, то Елена Сергеевна вспоминает с каким ужасом увидела Марка на кухне вчера вечером.

– Первой мыслью было – «Като убьет».

Потом папа вспоминает свои бесконечные военные истории, то Марк рассказывает, как они записывали песню-хит безголосой дочки губернатора.

– Всё я больше не могу, хватит, дайте позавтракать спокойно, – рискует вмешаться Като, но Марк забирает у нее чашку с чаем и принимается туда макать печенье.

Наконец, все мало-мальски успокаиваются, и мама идет звонить брату, чтобы понять, кто куда сегодня едет.

Папа храбро берется мыть посуду, а Като меняет воду в розочках и посылает Марка в душ.

– Он тебя любит, – полушепотом говорит ей папа, убедившись, что Марк ушел в ванную и закрыл за собой дверь.

– Хочется верить, папуль, но у него это странно получается. Мне кажется, что так не любят, – она с досадой качает головой.

– Любят так, как умеют, Катюш. Я, конечно, старый военный дурак советской закваски, но он настолько трепетно к тебе относится, что просто боится навредить тебе, когда его несет. Он отгораживается от тебя огромной стеной, оставляя в ней такие большущие бойницы, чтобы видеть тебя, что само это сооружение ни стоит и ломаного гроша. Ты ведь это понимаешь?

– Ты прав, наверное, но только у меня такое чувство, что в крепость сажает он меня, обрекая на полное одиночество и смерть от тоски по нему... ну да ладно. Спасибо тебе, – она чмокает папу и уходит в комнату.

Мама договаривается о том, что они с папой сами поедут к ее брату в гости, чтобы попробовать хоть как-то помочь ему с женой немного поладить.

– Вы ведь скучать не будете без нас, да? – уже натягивая плащ, Елена Сергеевна кивает Като с Марком.

Те дружно говорят, что скучать не будут, потому что в холодильнике полно еды, а в отсутствие родителей телевизор никто не ограничивает.

– Обещаю отвезти эту зелень гулять, – выслушивается Марк.

– Было бы здорово, она почти не выходит. До работы и домой, так что прогулка обязательна, – чеканит мама и закрывает за собой дверь.

– «Зелень»? – Като обижено надувает губки.

– Бледная какая, это же невозможно! Так и заболеть недолго! Давай одевайся, и пойдем гулять в лес!

– В лес?

– Ну, в парк, что тут поблизости без выхлопных газов и прочего. Кому сказал, одеваться!

На улице чудесно. Последние кусочки снега находят приют в тени домов и деревьев. В небе то и дело раздается щебетанье каких-то невидимых птиц. Като берет Марка под руку.

Она набирается храбрости задать ему один вопрос, который долго формулировала у себя в голове.

– Ты не обидишься на меня, если я спрошу у тебя о твоей семье. Ты никогда ничего не говоришь о своих родителях, но если тебе не хочется...

– Детка, перестань. Тебе это важно, значит, я не могу игнорировать. Что конкретно тебя интересует? Родители?

Като неуверенно кивает. Ей нравится, что Марк уважительно отнесся к ее любопытству, но она боится, что этот разговор ему неприятен.

– Так вот отца я не помню. Мама как мама. Родила меня в семнадцать лет, отправляла на все выходные к бабушке в Сергиев Посад. Вышла замуж, когда мне было шесть. Я жил у бабушки, там ходил в школу. Мать видел всё реже. У меня появились брат и сестра, но я их

не видел... В общем всё до тошноты тривиально. А потом я поступил в балетную школу, хотел танцевать, потом рисовал, потом увлекся пианино и синтезатором, подрабатывал где мог ... чего только не было. Кого только не было.

– Марк, прости меня.

– Да ладно, я с твоими же дружу, а моих ты в глаза не видела.

– Ты не пробовал наладить с ней отношения?

– Когда бабушки не стало, она приехала на один день. Мне было уже семнадцать...

В последний раз я маму видел где-то два года назад. Она шла по Волхонке вместе с молодым человеком, моим братом, скорей всего. Он был выше нее головы на две. Я шел прямо на них, а они обошли меня с разных сторон и вперед по делам. Мне только показалось, что брат на меня совсем не похож, – Марк замечает, что стал больше жестикулировать, и закуривает.

Като берет обеими руками его свободную от сигареты руку и целует ее.

– На тебя никто не может быть похожим, ты такой один замечательный неповторимый...

Он улыбается и стряхивает пепел с сигареты.

– Не придумывай. У него было такое широкое уверенное лицо, а она мне показалась такой же... безразличной ко всему, – он отводит глаза и бросает сигарету, наступая на нее носком кроссовка, как будто хочет потушить не окурок, а огонек ревности и злобы, вырывающийся из глубины души. – Рождаются же такие лишние люди, как я, да?

Като тянет его за рукав изо всех сил.

– Марк, послушай меня внимательно! Ты не лишний человек, ты мой человек. Всегда им был и навсегда останешься, хочешь ты этого или нет. Так будет всегда.

– Моя Като, зачем я тебе?

– Глупый! Я же люблю тебя до потери пульса, сознания и всего, что у меня есть. Ты же это знаешь?

Марк кивает.

Они возвращаются домой к трем и готовят себе обед. Марк так весь напряжен и сосредоточен, что Като то и дело кажется, что он решает в голове какую-то сложную математическую задачу, к которой он забыл формулу.

Марк потягивается, взмахивая руками по кругу вперед и назад, приближаясь к кухонному окну.

Като подходит к нему сзади и прислоняет к стеклу салфетку с парой синих строк, выведенных ее витиеватым подчерком:

«Ты мне очень нужен».

Марк прижимает салфетку к окну рукой и тыкается в стекло лбом. Като убирает руку и обнимает его сзади за плечи.

– Зачем я тебе сдался, моя Като?

– Для опытов.

– Опытков?

– Ну, да, для опытов надо мной. Кто-то там проверяет меня на прочность – сколько еще она сможет от него вытерпеть, а как еще она может жить, а как он изведет ее, и чем это всё закончится. Знаешь, как в бесконечном бразильском сериале про какого-нибудь Дона Карлоса и Хуаниту.

– Да, тебя там кто-то сильно любит, раз послал меня, – он поворачивается к ней, пряча салфетку в кармане джинсов.

– Знаешь, родной, мне кажется, ты всегда был со мной. Всегда был частью моей жизни. Глупо звучит, знаю, но я хочу, чтобы ты услышал это от меня, потому что это важно...

Он поправляет ей волосы, пряча выбивающуюся прядь за ухо, и проводит рукой по щеке, оглядывая ее лицо так, как скульптор смотрит на свою готовую работу, не находя ни одного изъяна и не веря, что сам создал скульптуру, высвобождая ее из мрамора.

– Не помню, чтобы ты когда-то говорила что-то глупое или неважное для меня.

– С того самого момента, как я увидела тебя, я не просто влюбилась, я поняла, что пропала, потому что той прошлой моей жизни, жизни без тебя, ей пришел конец. Меня той тоже уже не было с того момента, как я посмотрела в твои глаза. Ты молниеносно весь стал частью меня...

– Как будто тебя всю подняли и высоко подбросили?

– Похоже.

– Как две части мозаики, идеально подходящие друг другу...

Като прижимается к нему, и Марк обнимает ее.

Следующие две недели проходят для них как во сне – Марк постоянно звонит ей, встречается после работы на своем черном Volvo и снимает квартиру недалеко. Все похоже на сказку, но что-то в нем ее тревожит, а открыто спросить она не смеет.

Наконец, ей на электронную почту приходит сообщение о получении визы. Они бронируют гостиницу недалеко от станции Виктория.

Оба в восторге от Лондона, его улиц, двухэтажных красных автобусов, многонациональной толкучки, в которой каждый уважает других, красных телефонных будок, которыми уже никто не пользовался годами.

Всё это всплывает как из какой-то детской фантазии.

В первый день они направляются в музей Виктории и Альберта, потом в Музей Естествознания. Всё кружится и вертится у них перед глазами.

Като привозит с собой книгу Генри Мортон и то и дело зачитывает Марку отрывки о тех местах, мимо которых они проходят.

Она уговаривает его подняться на Монумент.

– «На трех сторонах его выбиты надписи-обращения, а четвертую украшает аллегорический барельеф. На нем изображена женская фигура, олицетворение лондонского Сити. В печали и тоске сидит она среди развалин города», – зачитывает она ему отрывок и смеется при виде Марка. Он смотрит вверх, припустив очки одной рукой.

– Туда поднимаются?

– Да, 311 ступеней и всего четыре с половиной фунта. Погнали?

– Ты смеешься, да?

Като качает головой и волочет его вверх.

От бесконечной спирали, темного узкого прохода ему нехорошо, но и остановиться он не может. Поддерживая Като, которая легко взмывает вверх, ему кажется, что вся эта спиралевидная лестница похожа на ДНК.

«Мы поднимаемся мучительно и трудно, преодолевая каждую ступень. Какие-то даются нам легче остальных, мы можем перепрыгнуть через них, но на какие-то с трудом поднимаемся, переводя дыхание и ища опоры. Всё так. Эволюция, собственное развитие, топающая впереди мечта с веснушками и зелеными горящими глазами», – Марк улыбается и облегченно вздыхает, увидев, наконец, впереди белый свет.

Узкая маленькая смотровая площадка, затянутая решеткой, поражает его открывающимся с нее видом – вот и собор Святого Павла и «Огурец» Фостера, а еще крыши, крыши, крыши, и солнце, и отблескивающая впереди Темза, и рядом улыбающаяся Като.

На второй день Като уговаривает Марка подняться с кровати и, несмотря на ноющие от вчерашнего переутомления мышцы, пойти в Британский музей. Она уговаривает его идти туда пешком через Уайтхолл, Трафальгарскую площадь и Чаринг Кросс Роуд. Марк всё время бубнит по дороге, что в следующий раз выберет город поменьше, но как только видит 44 ионические колонны музея, тут же перенимает инициативу. Он обожает античное искусство.

Марка особенно поражают nereиды, и он только сев на скамейку понимает, что ходить завтра, очевидно, уже не сможет, а Като везде мотается как сумасшедшая.

Уже медленно и устало они проходят мимо витрин с золотыми чашами и прочей утварью, когда внимание Марка привлекает одна витрина с золотыми и серебряными треугольниками, которые вешались в храмах, насколько он понимает из объяснений.

На большинстве из них оттиск большой печати с оком, и только на одной видна надпись.

– Като, смотри, тут что-то написано. Это вообще немыслимо, представляешь, кто-то кому-то любовное послание оставил лет тысячу назад, а его до сих пор читают. Вот так мы что-то делаем и внимания особо не уделяем, а потом окажется, что наш поступок остался в веках.

– Амцилла сдержала данное слово, – переводит ему Като с музейной таблички. – Интересно, кто она была?

– И что она такое обещала?

– Дала клятву, наверное.

– Верности и вечной любви?

– Не думаю... но может быть, этого мы уже не узнаем.

– «Амцилла сдержала слово». А знаешь, мне нравится! В этом вся суть жизни. Ты как-нибудь тоже мне слово дашь, – он внимательно смотрит на нее.

– Ты и так из меня веревки вьешь. А так попросишь что-нибудь, а я не смогу этого сделать или не захочу?

Он легонько трогает кончик ее носа.

– Детка, в мире нет ничего, чего бы ты не смогла! А вот с желаниями сложнее.

В последний день они идут в Национальную галерею, которая приводит Марка в полный восторг. В Национальной портретной галерее, они около часа просто сидят у скульптуры Виктории и Альберту.

– Эта была настоящая любовь, – склонив голову на бок, произносит Като.

– Да, детка, они на нас похожи, – улыбается он.

Неделя проходит быстро. Даже слишком быстро, как кажется Като, когда они приземляются в Москве.

Спустившись в метро, они с трудом пропихиваются через толпу.

– Это невозможно, Марк, остановись, давай пропустим этот поток.

– Детка, я должен тебе кое-что сказать, но я не могу, – он как-то виновато смотрит на нее, играя ручкой чемодана.

– Я половину не слышу из того, что ты говоришь, – она подходит к нему поближе и улыбается. – Так лучше, что ты хотел мне сказать, родной?

– Като, я женился два месяца назад.

Ей кажется, что она что-то неправильно слышит или понимает, может, он сказал «почти спился» или еще что-то...

– Что ты сделал?

– Я женат на чудовищной женщине, я не люблю ее, но... – он замолкает, встретившись с ее округлившимися глазами.

Като понимает смысл того, что он хочет сказать, но она не в состоянии принять этого. «Женился... мой Марк... два месяца назад». Она закрывает глаза ладонями.

Марк подходит к ней и обнимает. Она ясно помнит, что он что-то ей говорит, целует в голову, отнимает ее руки от лица и пытается посмотреть ей в глаза. Она видит всё это со стороны. Это всё происходит не с ней. И счастлива не она, и его женой является не она.

Марку кажется, что она успокоилась, и он освобождает объятия.

– Детка моя, ты в порядке? – до него только-только начинает доходить смысл этого его поступка и такого долгого молчания. «Жалкий трус, подлый. Гореть тебе в гиене, вместе с твоей женой и всеми другими», – снова и снова проносится у него в голове.

Като поднимает на него глаза, и ему кажется, что они стали еще зеленее, то ли от причинной им боли, то ли от тусклого освещения.

Она крепко обнимает его и нежно целует в щеку. Ее головка задерживается на его плече, и он слышит, как она шепчет ему:

«Будь, пожалуйста, счастлив».

В этот самый момент он цепенеет. Всё его тело парализовано. Этот ее шепот, прямо в ухо, снова и снова стучит у него в голове.

«Я не успел ей сказать, что мне не нужна другая женщина, кроме нее. Что она мне шепнула? Что она сказала... чтобы я был счастлив... пожалуйста». В висок ударяет тупая боль, и он снова начинает чувствовать свое тело. Ее нет рядом.

«Сколько он так простоял истуканом? Куда она пошла? Почему? Зачем он сказал ей то, что уже не имело никакого значения?»

Марк подхватывает свой чемодан и всматривается в толпу, надеясь заметить ее черный плащ с красным шарфом, но ее нет.

Пока Като едет домой она считает про себя. Она считает сосредоточенно, отгоняя от себя любые мысли. Она сбивается и продолжает счет с той цифры, которую помнит.

«Пять тысяч пятьсот девяносто восемь, пять тысяч пятьсот девяносто девять...», – уже поднимаясь в лифте шепчет она.

Входная дверь широко распахивается, и на пороге показывается папа.

– Папуль, я устала, – только и может прошептать она, падая ему на руки.

В ушах звенит всё сильнее и сильнее, а перед глазами всё затягивает черная пелена.

«Как хорошо закрыть глаза. Просто закрыть и ни о чем не думать. Может, так умирают... да, наверное, я умираю, как это оказывается приятно, когда не надо смотреть, думать, переживать, любить... надо просто умереть», – это последнее, что проносится у нее в голове.

Она смутно помнит следующие несколько дней. То мама склоняется над ней, то папа дает ей что-то пить. Ей хочется только спать, и каждый раз, закрывая глаза, она хочет больше не просыпаться.

Она не знает, сколько прошло дней – два, три, четыре? Родители вызывают врачей, те ставят какой-то диагноз, что-то вроде нервного срыва или какого-то криза...

Като хочет только закрыть глаза и спать. Сны темные, тяжелые. В них никого и ничего нет.

Единственным более-менее сознательным поступком за эти дни становится звонок на работу. Като тогда удивляет, как спокойно она говорит, что заболела.

Она просыпается посередине ночи. В окно ярко светит луна, как направленный на сцену прожектор.

«Говорят, актерам не видно зала со сцены. Они полностью отдаются своей игре. Они живут там».

Като приподнимает под собой подушку и садится. Только тут она видит Марка. Он сидит на полу у ее ног, облокотившись руками на разобранный диван. Он весь в свете луны, такой грустный и одновременно счастливый. Он улыбается.

«Все-таки приснился мне».

Она молча тянет к нему руки, и он привстает и подползает к ней на корточках, пока, наконец, не хватает ее в свои объятия.

«Какая она вся вдруг сделалась маленькая! Зачем я причиняю ей столько боли, неприятностей. Почему не могу просто быть с ней рядом, или оставить ее насовсем? Я – самое жалкое существо на земле!» – думает он, прижимая ее всю к себе.

– Марк, мой родной Марк, я так скучаю, – снова и снова шепчет она ему.

Она боится лишний раз пошевелиться, чтобы этот сон не растаял.

– Детка, прости меня за всё. Я не должен был тебе ничего говорить, но я не могу врать... тебе не могу.

– Ты будешь по мне скучать, если я умру?

Марк прижимает ее к себе еще сильнее и нежно касается губами ее головы, как будто хочет развеять эти ужасающие его мысли.

– Скажи мне, родной, ты будешь скучать? Хоть немножко?

– Като, девочка моя любимая, не смей даже говорить мне об этом! Я с ума схожу от этих твоих мыслей...

– Марк, снись мне как можно чаще, ладно?

– Обещаю, детка, только ты поправляйся. Теперь ложись, а я буду с тобой, обещаю. Всегда-всегда где бы я ни был, я только с тобой.

Като опускается на диван и закрывает глаза, потом резко садится, от чего у нее немного кружится голова, и рывком достает рукой выключатель.

Яркий электрический свет брызгает в глаза.

Марк сидит у дивана, виновато уставившись на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.